

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/19986645/29/3

И.Е. Ким

КОЛЕБАНИЕ И НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В настоящей статье рассматривается колебание как важная фаза интенции, комплексного волевого, интеллектуального и эмоционального усилия, результатом которого может стать совершение действия или отказ от него. Рассматриваются три важных аспекта колебания: его роль в осуществлении действия как феномена действительности, семантика колебания в русском языке и русская этнокультурная модель колебания вместе с соответствующими этническими стереотипами. Особое внимание в статье уделяется негативному отношению в русском обществе к колебанию как проявлению нерешительности. Таким образом, в русской бытовой культуре осуждается важный механизм человеческого поведения, лишаящий действие автоматизма и предопределенности.

Ключевые слова: русский язык, семантика действия, намерение, колебание.

1. Колебание как стадия интенциональной деятельности

Под интенцией, как правило, понимается деятельное стремление к совершению действия. Это означает, что, в отличие от желания, которое не выходит за пределы психоментальной сферы человека, интенция предполагает готовность психики взять управление внешними системами человека для осуществления действия. Интенция – точка перехода от психической деятельности к операционально-предметной. Анализ языкового материала позволяет расширить понятие интенции до любой волевой деятельности, связанной с формированием намерения или отказом от него. Определим такую работу воли как интенциональную деятельность.

Человек благодаря наличию у него сознания способен сформировать образ своего действия до собственно совершения действия, и это позволяет ему вести себя в высшей степени вариативно. Мы можем заранее представить себе наше будущее действие, оценить его необходимость, обстоятельства его протекания, в том числе возможные помехи, факторы, способствующие его выполнению, осуществимость, результат и последствия, соотнести с нормами поведения в обществе или его части, а также с самоощущением и собственными ценностями. В этом случае мир приобретает важное свойство потенциальности, будущее действие оказывается одной из возможностей развития событий, которой противопоставлены отсутствие этого действия или другие действия.

Таким образом, интенциональная деятельность представляет собой сложную волевою, интеллектуальную и эмоциональную деятельность, предшествующую изменению в «мире вещей» или «сохранению» текущего его состояния. Действие как изменение мира и как изменение самого субъекта (последнее в языке маркируется словом *поступок*) является или представляется в некоторых обстоятельствах очень ответственным актом и поэтому требует

иногда большого личного участия, затрагивая глубинные структуры личности субъекта.

В этой деятельности возможно наличие нескольких фаз. В первой фазе формируется желание или необходимость действия. Вторая фаза предполагает оценку обстоятельств, степени важности, соответствия необходимости и желательности действия, его осуществимости, приемлемости результата, эффективности и прочих обстоятельств. В последней фазе намерение или отказ от действия сформированы и человек начинает или не начинает реализацию действия.

Вторая фаза может отсутствовать, намерение или отказ могут сформироваться сразу, однако многим действиям, особенно значимым, сложно выполнимым, не соответствующим норме или личности деятеля, предшествует работа, которую можно назвать принятием решения. На этот процесс может накладываться и интенциональный процесс, именуемый колебанием 3 (в данном случае индекс различает лексико-семантические варианты слова *колебание* в Малом академическом словаре [1]), суть которого заключается в невозможности в течение некоторого времени выбора между намерением или отказом от действия.

Вот описание колебания и его содержания в повести Владимира Маканина «Отдушина»: *Соперничества, тем паче унижительного, Стрепетов вообще не выносит: он знает, что женщинам он нравится, и это знание либо немедленно приводит к цели, либо вызывает лёгкое и столь же немедленное отвращение к "борьбе за бабу"... Разумеется, можно начать играть и сорить по-крупному, можно ввести Алевтину в круг математиков, она будет без ума, давно рвётся. Можно завлечь или просто притащить Алевтину в университет на свою лекцию, можно даже прихватить её с собой в Париж на очередной симпозиум, в качестве секретаря, есть такая возможность – какая женщина устоит против двухнедельного пребывания на Монмартре? Стрепетов колеблется: всё это, разумеется, можно сделать (первая альтернатива – совершение действия), но есть тут некая постыдность и жалкость, есть явное и ясное признание того, что он не может справиться с «мебельщиком» сам по себе и вынужден спекулировать на атрибутах мирской суеты и славы. Стыдно (оценка личностных условий осуществления первой альтернативы). И плюс – тут уж Стрепетов признаётся себе до конца – нет уверенности, что вся эта тяжёлая артиллерия поможет и пересилит и что после, скажем, осеннего в дымках Парижа Стрепетов не обнаружит у Алевтины «мебельщика», который вновь объявится зимой, в первый же снегопад, тут как тут. А похоже, так оно и произойдёт (оценка результативности первой альтернативы) (Владимир Маканин. Отдушина (1977))¹².*

¹ Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка ([http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)).

² Приведенный в данной статье иллюстративный материал используется двояким образом. В той части статьи, которая посвящена самому феномену колебания и интенциональной деятельности в жизни человека, примеры, как правило, иллюстрируют «факты жизни», опосредованные текстовым материалом. В разделе, посвященном языковой модели колебания, приведенные текстовые примеры иллюстрируют выражение колебания в русском языке. В последней части текста, которая посвящена оценке колебания в русской культуре, иллюстративный материал может использоваться по отношению и к самой интенциональной деятельности, и к ее языковому обозначению.

Колебание также может возникать, когда в какой-то ситуации возможны два или более альтернативных действия. В этом случае колебание охватывает альтернативные возможности и возможность отказа от действия, ср., например: *Он увернулся вправо, по Кузнецкому. От тротуара собиралось отъехать такси, Иннокентий захватил, погнал его вниз, там велел налево, под перевозажжённые фонари Петровки. Он ещё колебался – откуда звонить, чтоб не торопили, не стояли над душой, не заглядывали в дверь. Но искать отдельную тихую будку – заметнее. Не лучше ли в самой густоте, только чтоб кабина была глухая, в камне? И как же глупо плутать на такси и брать шофёра в свидетели* (Александр Солженицын. В круге первом).

Колебание представляет собой комплексное психоментальное состояние, объединяющее в себе, помимо собственно волевого настроения, и интеллектуальное, и эмоциональное начало. Для иллюстрации интеллектуального аспекта колебания приведу еще один пример: *Во дворе, когда все вышли и стояли кучками, не расходясь, к Дмитриеву подошла Лора и спросила, поедут ли они с Леной к тётке Жене, где соберутся близкие и друзья. До той минуты Дмитриев считал, что поедет к тётке Жене непременно, но теперь заколебался: в самом вопросе Лоры заключалась возможность выбора. Значит, и Лора, и мать полагали, что он, если захочет, может не ехать, то есть что ему ехать не обязательно, ибо – он вдруг это понял – в их глазах он уже не существовал как частица семьи Дмитриевых, а существовал как нечто другое, объединённое с Леной и, может быть, даже с теми в чёрных пальто, с чёрными зонтами, и его надо было спрашивать, как постороннего. «Вы поедете к тётке Жене?» Вопрос был задан бегло, но как много он означал!* (Юрий Трифонов. Обмен). Субъект интенции учитывает тонкие нюансы социальной ситуации: предопределенность, ритуализованность действия вдруг, благодаря открывшимся обстоятельствам сменяется возможностью произвольного выбора. Не готовый к ситуации выбора, субъект интенции оказывается в состоянии колебания.

Эмоциональное начало может проявиться в состоянии волнения, например: *Но вот наступила суббота. Это была четвертая неделя знакомства Нормана с Торсом. Он рано позавтракал и, предупредив родителей, что обедать, наверное, не будет, поехал в город. Но у дверей Торса Норман заколебался: «Что хочет он мне показать? Что у него на уме?» Когда Фолк вошел внутрь, ещё большее волнение охватило его. – Проходите и садитесь, – приветливо сказал Джек (Шедевр // Жизнь национальностей. 2004. 17 марта). Еще более сильным эмоциональным компонентом колебания является растерянность, например: – *Ах да... – пробормотал он и потёр лоб. – Извини... Я сегодня немного не в себе. Я растерялся. Всё это было на него совершенно не похоже, поэтому я не знал, как себя вести. Кажется, невозможно было не спросить, в чём дело, но я боялся нарваться на обычную холодную отповедь. Поколебался-поколебался – и всё-таки спросил* (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)); *Некоторые мужчины вообще теряются при виде женских слез, не знают, как себя вести – мой такой же, где уж там обнять и успокоить* (Женщина + мужчина: Брак (форум)).*

Колебание является важным моментом в социальной коммуникации. В ней колебание есть фактор воздействия. Будем различать субъекта воздействия, инициатора, и его собеседника, субъекта интенции.

Для субъекта воздействия важно, какая интенция должна быть сформирована и в какой фазе интенциональной деятельности находится собеседник.

Если собеседник находится в противофазе, т.е. намеревается совершить действие, нежелательное для инициатора, или отказывается от желательного действия, то колебание можно считать положительным, хотя и промежуточным результатом воздействия, например: – *Мне это очень, очень нужно! – уверяла она с расширенными глазами, лоя колебание в лице Климентьева (Александр Солженицын. В круге первом); – Уйдите... – попросила она. Ростислав встал и стоял перед нею, пошатываясь. – Сейчас пока – уйдите! – требовала Клара. Он заколебался. Потом подчинился. С порога он жалко, моляще обернулся на Клару – и его как укачнуло туда, за дверь (Александр Солженицын. В круге первом).*

А если собеседник находится в стадии колебания, то субъект воздействия стремится его устранить, перевести в нужный ему интенциональный полюс, например: *Вот оно что! Раненый шофер – жених Кати, следовательно, она должна знать про Клару, и вообще надо оставить Кате доллары и успокоиться. – Будьте столь любезны, – вклинулась я, – подскажите ее адрес. Толстушка заколебалась, я навесила на лицо самую сладкую улыбочку. – Пожалуйста, очень хочется икры в Токио прихватить. – Пишите, – согласилась инспекторша, – Красногорский район, деревня Опухово, улица Карла Маркса, один (Дарья Донцова. Доллары царя Гороха).*

Для воздействия такого рода чаще всего используются речевые действия, например: *Людя требовала, чтобы он немедленно звонил генералу: может быть, зять там. Он колебался. Людина шея пошла красными пятнами: «Тряпка ты, и ничего больше!» (Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве).*

Для изменения интенции могут использоваться также средства кинесики – жесты и позы, например: – *Тогда плохо, – согласился Забелин. – А только если завтра он узнает, что мог вернуть институт, а ему не дали? Как тогда? Майя Павловна заколебалась, нерешительно посмотрела на Наталью, которая молитвенно сложила руки, кивая при этом головой. – Попробую поговорить, – решила Майя Павловна. – Скажу только, что у вас хорошие новости. Но придется подождать (Семен Данилюк. Рублевая зона).*

Коммуникативное действие может вовлекать и предметы, например: *Я посмотрела на него с любопытством. Кто он – нахал, обычный уличный приставала, знакомящийся со всеми подряд исходя из того, что одна из десяти согласится, или действительно обычный парень, которому скучно стоять в пробке одному и жалко смотреть на девушку, плетущуюся вдоль дороги? Я колебалась ещё пару секунд, но он, видимо, заметил, что я замедлила шаг, и распахнул пассажирскую дверь. Через секунду я уже была в тепле, уюте, рядом с симпатичным молодым мужчиной, а ещё через десять мы болтали и смеялись (Ольга Зуева. Скажи, что я тебе нужна...).*

Таким образом, колебание представляет важный момент интенциональной деятельности, лишаящий действие предопределенности, автоматичности.

Способность человека к колебанию позволяет воздействовать на него с целью изменения его интенции.

2. Языковая модель колебания

Семантику, грамматические характеристики и синтаксическое поведение предикатных и иных лексем, обозначающих колебание, в значительной степени определяет денотативная ситуация. Однако у них есть и особенности, вытекающие из русской этнической модели этого процесса.

В общих чертах опишем семантику колебания. Колебание как составная часть интенциональной деятельности характеризуется двумя общими для интенций свойствами. Это совпадение лица, испытывающего колебание, с лицом, совершающим действие, относительно которого происходит колебание, и обращенность в будущее. Эти свойства отражаются в потенциальной **моно-субъектности**, т.е. тождестве субъекта психического процесса (основного события) и действия, являющегося объектом психического процесса (объектного события) [2; 3; 4], и **проспективности**, т.е. временном следовании объектного события за основным событием, например: *Я колебался – добавлять или не добавлять?* (Сергей Довлатов. Заповедник). В приведенном высказывании глагол *колебаться* обозначает колебание. Он управляет зависимой предикативной единицей с инфинитивным предикатом (*добавлять или не добавлять*), субъект которого тождествен субъекту колебания, при этом объектное событие во времени следует за основным психическим событием.

Кроме того, колебание представляет собой неустойчивый процесс с отсутствием стандартного результата, ср., например: *И Тоня колебалась. Вот сделает шаг – и она уже в колонне и идет со всеми. И она не делала шага. И сердце колотилось от этого часто-часто* (А. Битов. Аптекарский остров). Результатом колебания может стать как намерение, так и отказ от деятельности, ср., например: *Я долго колебался, но потом решил смонтировать то, что успели отнять* (Алексей Балабанов. Я снимаю не для вечности) и – *Сталин, – благоговейно произнёс восточный человек. Он приподнял зелёную кепку с наушниками. Хотел подарить её бригадиру. Потом заколебался и смущённо выговорил: – Не могу. Голова зябнет... В результате бригадиру досталась ещё одна пачка «Казбека»* (Сергей Довлатов. Виноград).

Основной глагол *колебаться*, обозначающий колебание, реализует русскую этническую модель этого процесса (об этом речь пойдет ниже). Помимо этого глагола и его производных, колебание обозначается небольшой группой специализированных предикатных слов и их производных: *взвешивать, мараковать, мешкать, мяться, призадуматься, призадумываться, примериваться, примериться, примеряться, решаться*. Часть глаголов, например *примериваться, примеряться, решаться*, обозначают колебание независимо от условий контекста. Остальные слова обозначают колебание в том случае, если они сочетаются с зависимым языковым выражением, устанавливающим с ними проспективность и моносубъектность, т.е. те семантические характеристики, которые составляют специфику колебания.

Колебание как интенция включает в себя, как уже говорилось выше, **интеллектуальный** аспект – сомнение, что реализуется в семантике глагола *сомневаться* и его производных *сомнение, сомнительно, сомнительность, сомнительный*, например: *Наконец, удобный момент настал. Мать взяла*

какой-то журнал и уютно устроилась в кресле, возле торшера. Она заметно осунулась за последние дни... На какую-то минуту я **засомневался** – стало жалко нарушать её покой. И всё-таки я должен был выяснить... Я набрал побольше воздуха и приступил. – Мама, скажи, пожалуйста, – тут мне пришлось откашляться, потому что голос сел, – почему ты в тот день сказала ему: «Если боишься – не ходи»? (Вера Белоусова. Второй выстрел). К предикатам сомнения примыкает довольно большая группа слов со значением ожидания, например *выжидать*, а также слова со значением страха: *бояться, опасаться* и т.п., которые сближаются с предикатами колебания потенциальной монособъектностью и перспективностью. Во фразах, где глаголы со значением страха сочетаются с инфинитивом и при этом инфинитив обозначает актуальное действие или его негативный результат, на первый план часто выходит значение колебания, например: *Вика теперь всё плачет, плачет – просто заливается: голодная, холодная, и в больницу к Павлу Ивановичу боится идти, потому что он сердиться будет, что телевизора нет* (Андрей Волос. Недвижимость).

Кроме того, колебание содержит также **эмоциональный** компонент волнения, часто сочетающийся с растерянностью. Поэтому колебание может обозначаться словами со значением растерянности: *потеряться, растерянно, растерянность, растерянный, растеряться, теряться*, например: – *А чего это вы меня ночью будите? От такой наглости Антонина Васильевна **растерялась**. – Входи, Аверьянов, – сказала она наконец, – и ложись* (Виктор Пелевин. Синий фонарь).

Конструктивные особенности предикатных лексем тесно связаны с монособъектностью, перспективностью и потенциальностью в отношении к объектному событию.

У глаголов со значением колебания валентность на объектное событие может реализоваться в виде предикативной единицы или зависимой словоформы. Зависимая ПЕ, как правило, реализуется в виде инфинитивной конструкции: *Потом налил себе нарзану, выпил стакан, вытер рот шёлковым платком, **поколебался** – выпить ли ещё, выпил второй стакан и тогда заговорил* (М.А. Булгаков. Театральный роман); *Пока Гольдберг **раздумывал**, как правильнее поступить в создавшейся непредсказуемой ситуации, в квартире его заканчивался тайный имон и явная кража* (Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света). Зависимая словоформа оформляется инфинитивом или косвенным падежом существительного: *Астахов не шутя **принялся примериваться допрыгнуть** до него* (Семен Данилюк. Рублевая зона); *Мы пошли на встречу с Маликом вдвоем. Вскоре выяснилось, что Национальный фонд спорта готов купить наше лото. Нам готовы были предложить примерно восемнадцать миллионов долларов и мир или скрытую войну, конкуренцию и нелюбовь приближенных к Ельцину чиновников. Я **склонялся к продаже*** (Артем Тарасов. Миллионер).

Однако у многих лексем, даже у глаголов, объектная валентность факультативна, часто они используются абсолютно, например: *Шестнадцать старых коммунистов Ленфильма готовы были дать ему рекомендацию в партию. Но брат **колебался**. Он напоминал Левина из "Анны Карениной"* (Сергей Довлатов. Наши); *При существовавшем тогда строе убытки, если*

кто помнит, особо не подсчитывали. А всё равно люди **призадумались**. Теперь же другое дело – деньги считают все (Ирина Гнатюк. Найден источник горячей воды).

Этнический аспект в выражении колебания связан с его общей метафорической моделью, которая реализуется в самых неожиданных аспектах семантики и выразительных возможностей слов с этим значением.

Рассмотрим саму модель. У основного глагола *колебаться* и отглагольного существительного *колебание*, обозначающих эту интенциональную фазу, прозрачная внутренняя форма, связанная с буквальным, «физическим» значением глагола и существительного: они обозначают движение то в одну, то в другую сторону. В [1] глагол *колебаться* в основном значении толкуется следующим образом: ‘мерно двигаться, раскачиваться взад и вперед, из стороны в сторону или сверху вниз’. Если представить намерение и отказ от действия как два интенциональных полюса (соответственно + и –), то колебание и представляет собой такое движение разума и воли то к одному, то к другому полюсу.

Прямо реализуется языковая модель колебания в семантике таких глаголов, как *склоняться* и *взвешивать*, например: *Но в правительстве всё же **склоняются** к тому, чтобы прописывать нормы для НПФ отдельно – в виде поправок к закону о НПФ* (Лиза Голикова. Вы старейте – вам зачтется); *Он так хотел, чтобы она поверила ему, чтобы перестала раздумывать и **взвешивать** – и просто согласилась!* (Анна Берсенева. Возраст третьей любви). Метафорический потенциал первого глагола реализуется в отклонении от вертикали – середины, а второго – в образе весов, на которые положены аргументы за и против совершения действия.

О существовании общей языковой модели колебания говорит также наличие у лексики с этим значением такой характеристики, как «вектор колебания». Часть слов со значением колебания не имеет выраженного тяготения к какому-либо результату (например, *раздумывать*, *взвешивать*), но есть глаголы, которые по своей семантике ближе к намерению, а есть и другие, у которых вектор колебания направлен к отказу от действия. *Примериваться*, *склоняться*, *решаться* предполагают более позитивный исход, они ближе к намерению: *Но в правительстве всё же **склоняются** к тому, чтобы прописывать нормы для НПФ отдельно – в виде поправок к закону о НПФ* (Лиза Голикова. Вы старейте – вам зачтется); *Игриво помахивая молотком и отработывавая артистичность жестов, Саша ходил вокруг крыльца. Шурил глаз, **примерялся**. Можно было и приступить* (Галина Шергова. ...Об известных всем). А слова со значением страха ближе к отказу от действия, ср., например: *Кажется, невозможно было не спросить, в чём дело, но я **боялся** нарваться на обычную холодную отповедь* (Вера Белоусова. Второй выстрел).

Колебание интерпретируется как не контролируемый субъектом¹ процесс, о чем говорят глаголы осуществления при существительном *колебание*, например, *быть*: *Были некоторые **колебания** по поводу галстука – надеть*

¹ О понятии контролируемости процессов см.: [5. С. 68–81; 6–9 и др.]. Более широкое понимание контроля как семантической категории представлено в монографии [10] и моей докторской диссертации [11].

ли? (Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп); *Сначала были муки жадности и колебания совести, но потом Рита стала гордиться и рассказывать всем знакомым, что отдала больной домработнице лучшую вещь, украшение дома: безумно жаль, но что делать* (Юрий Трифонов. Предварительные итоги). Колебания испытывают, колебания можно заронить, посеять, ср., например: *А он будет служить наглядным примером и агитировать. И посеет колебания, понизит боеспособность армии* (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей). О неконтролируемости колебания говорит также то, что разрешение колебания может описываться как, независимый от воли субъекта акт: *Две недели назад колебания Эржики решились: не кто-нибудь из девочек, а именно она, зачерпывая утром воду из ведра, вытащила в кружке утонувшего крысёнка* (Александр Солженицын. В круге первом); *Колебания, какое решение будет наиболее правильным, прошли* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба).

Таким образом, языковая модель колебания как интенционального процесса связана с образом маятника или весов, где воля человека склоняется то к одному, то к другому интенциональному полюсу – намерению или отказу от действия. При этом сочетаемость слова *колебание* показывает отсутствие контроля над этим процессом со стороны субъекта.

3. Колебание в русской культуре (фрагмент обыденной картины мира)

С колебанием связан важный культурный сюжет. В русской обыденной этике высоко ценится решительность, а склонность к колебаниям считается большим недостатком.

Это свойство русского менталитета имеет проявления в языке. Так, выполняющее характеризующую функцию деепричастие от глаголов *колебаться*, *раздумывать* (последний – в значении колебания) и некоторых других чаще используется в сочетании с отрицательной частицей: *Сергиевский, смущённо улыбаясь, принял бокал из рук профессора и, не колеблясь, осушил до дна* (И.А. Ефремов. Бухта радужных струй); *Походив немного по своему кабинету, небольшой рабочей комнате, кажется угловой, НВ предложил мне подумать о возможности работать у него в питомнике экспериментальных животных, сказав, что к большому сожалению, другой должности в лаборатории у него пока нет. Я не раздумывая, конечно, согласился* (Даниил Гранин. Зубр); *Надо сформулировать корпус функций исполнительных органов заново и не мешкая приступить к созданию новой структуры правительства* (Николай Вардуль. Время комиссаров). Эти сочетания деепричастия с отрицательной частицей воспринимаются как наречия. Вот редкий пример употребления деепричастия *колеблясь* без частицы *не*: – *Так вы верно согласны? – всё ещё колеблясь в решении, спросил Курцер* (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом). Более редкий случай употребления с отрицательной частицей наблюдается у глагола *примериваться*: *Толпа ахнула, когда один из спецназовцев с размаху, не примериваясь, насквозь проткнул руку толстой иглой с проволокой и прикрутил к ней пистолет* (Серые дьяволы // Солдат удачи. 2004. 7 июля). Процессность, протяженность колебания во времени позволили таким сочетаниям приобрести временное значение ‘сразу’, однако их употребление все равно ограничивается

контекстами, обозначающими действия человека или человеческих коллективов.

Аналогично и отглагольные существительные со значением колебания часто используется с предлогом *без*: *без колебаний*, *без раздумий*, *без сомнений*, например: *Кольцов отказался без всяких колебаний. Оскорбился, что его могли счесть готовым на подобную непристойность* (Даниил Гранин. Зубр (1987)); *Мнения родных и моё личное стали определяющими, и я без раздумий сдал документы в Волгоградский сельскохозяйственный институт на агрофак, который и закончил с красным дипломом* (Владимир Плотников. Надо уметь держать удар); *В этом – залог нашего общего благополучия, в этом – важный этап в строительстве Великодержавной России, которой мы без сомнений, без колебаний отдадим все свои желания, все помыслы и даже жизнь...* (А.И. Деникин. Очерки русской смуты). Для таких предложно-падежных сочетаний также характерна тенденция к адвербиализации.

Довольно часто требуется обоснование колебания, поскольку обычное течение дел в русской обыденной картине мира не должно приводить к задержке в принятии решения действовать, что проявляется в реализации валентности на предикативную единицу или зависимую словоформу с причинными отношениями, например: *...Володя решил пригласить в Москву скрипача и альтиста Пинкаса Цукермана. Пинкас колебался – он ведь совсем не знал России, Володя его успокаивал и рассказывал, какая у нас замечательная публика* (Сати Спивакова. Не всё). Ср. также *Колебания матери можно понять: один неверный шаг – и конец!* (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок).

Однако и в тех контекстах, в которых у глагола со значением колебания нет синтаксической валентности на зависимое языковое выражение с причинными отношениями, тоже обнаруживается причинная семантика. Так, ее приобретает союз *и*, соединяющий однородные сказуемые, ср., например: *Область необходимо вытаскивать из экономического провала – вот подписанты и предложили «командировать» Басаргина на выборы. Его величество случай. Однако зампред почему-то на выборы не пошел. В результате курганский электорат оказался перед выбором между двумя «единороссами» – и заколебался.* ‘Курганский электорат заколебался, потому что оказался перед выбором между двумя «единороссами»’ (Евгений Сеньшин. Неожиданный поворот). Причинную интерпретацию получает и изъяснительная зависимая языковая форма, например: *Однако стесненная в средствах Ольга колеблется: сумеет ли она осуществить ремонт замка?* (Людмила Лопато. Волшебное зеркало воспоминаний). Причина колебания скрыта в его содержании: персонаж текста может не справиться с поставленной задачей. В данном высказывании причинное значение получает и причастный оборот *стесненная в средствах*: ‘Ольга колеблется, потому что может не осуществить ремонт замка, поскольку стеснена в средствах’.

Таким образом, языковые факты показывают, что колебание требует обоснования, что, в свою очередь, говорит об «аномальности» [12, 13] колебания, его отсутствию в привычном сценарии повседневности¹.

¹ Однако можно наблюдать противоположное явление – в некоторых, как правило сложных ситуациях колебание воспринимается как норма. Аномальным тем не менее оказывается длительное и

Особенно важны для формирования отрицательного отношения к колебанию периоды социальной конфронтации в обществе, когда общество поляризуется, и индивиду необходимо принимать решение в пользу одной из сил. Идея классовой борьбы, питавшая советскую идеологию, и жесткий централизм как организационный принцип коммунистической партии привели к отрицательной оценке колебания как отклонения от партийной дисциплины, требующей безоговорочного подчинения решениям вышестоящих партийных органов. Колебание воспринималось как порок настолько сильно, что служило основанием для критики, самокритики, подозрений и суда товарищей: *Я должен был искренне рассказать на собрании о своих колебаниях, а я утаил, и если остаюсь при своих взглядах, то моим товарищам следует меня обсудить* (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок); *Колебания Яконова могли вызвать подозрения, положить пятно на его репутацию* (Александр Солженицын. В круге первом).

Негативное отношение к колебанию отразилось в иллюстративном материале словарной статьи «колебаться» словаря Ушакова, реализующего идеологию советского периода: *Хорошо ли поступают колеблющиеся крестьяне, уходя из колхозов?* Сталин [14].

Отсюда и употребление уже знакомого нам деепричастия с частицей *не*, в данном случае характеризующего стереотип «правильного» с точки зрения официальной партийной и советской этики поведения: *Ради революции он, не колеблясь, был готов отдать свою жизнь, любовь женщины, всех близких своих* (Василий Гроссман. Все течет). *Духом партийности должно быть проникнуто отношение руководителя к делу, к книге, к картине, и поэтому, как ни трудно это, он должен не колеблясь отказаться от привычного дела, от любимой книги, если интересы партии приходят в противоречие с его личными симпатиями* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба).

Таким образом, колебание, связанное с отсутствием автоматизма в совершении действия и затрагивающее морально-этические и личностные факторы в формировании намерения или отказа от действия, воспринимается в русской культуре как аномалия и проявление нерешительности, осуждается и требует специального обоснования. Кроме причин идеологического характера, несомненное влияние на такое отношение к колебанию оказало обыденное мышление, в практике повседневности имеющее дело со стандартными ситуациями, в которых действие встраивается в воспроизводимую деятельность и не требует ни обдумывания, ни взвешивания обстоятельств, ни вообще принятия решения.

Литература

1. Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд. / под ред. А.П. Евгеньевой; АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Рус. яз., 1981–1984.

интенсивное колебание. Ср., например: *К этому времени отец меня уже выпускал иногда на публику, где я показывал самостоятельно разные номера. Соглашаюсь без особых колебаний* (И.Э. Кно. Иллюзии без иллюзий); *Письмо было сделано так круто, что я, практически не мешкая, купил его продукт* (Предложение купить пакет "Казино"). Оба предложения, содержащие синонимичные выражения *без особых колебаний*; *практически не мешкая* содержат компонент значения 'я колебался, но ровно настолько, сколько уместно в сложившейся ситуации'.

2. Черемисина М.И. Моносубъектная конструкция: понятие и типология // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база: сб. науч. ст. Новосибирск: Наука, 1980. С. 6–33.
3. Леонтьев А.П. Моносубъектные полипредикатные конструкции современного русского языка: Сопоставительное описание структур с нулевым подлежащим и с дубль-подлежащим: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1982.
4. Ким И.Е. Высказывание с модус-диктумной кореферентностью // Системный анализ значимых единиц языка: Смысловые типы предложений: сб. науч. ст. / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994. Ч. 2. С. 32–41.
5. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7–85.
6. Кустова Г.И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка: Модели действия / Ин-т языкознания РАН. М., 1992. С. 145–150.
7. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и неререферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 400 с.
8. Ким И.Е. Контролируемость действия: сущность и структура // Лингвистический ежегодник Сибири / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1999. С. 19–31.
9. Ким И.Е. Контроль и причастность в сфере человека и их отражение в языке // Проблемы исторического языкознания и ментальности: сб. науч. ст. / Красноярск, 1999. Вып. 3: Современное русское общественное сознание в зеркале вербализации. С. 68–82.
10. Ким И.Е. Личная сфера человека: структура и языковое воплощение. Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2009. 325 с.
11. Ким И.Е. Сопричастность и контроль в личной и социальной семантических сферах современного русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2011. 433 с.
12. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопр. языкознания. 1987. № 3. С. 3–11.
13. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 74–91.
14. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935; Т. 2. М., 1938; Т. 3. М., 1939; Т. 4. М., 1940.

HESITATION ('KOLEBANIYE') AND INDECISIVENESS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 3 (29), pp. 28–39. DOI 10.17223/19986645/29/3

Kim Igor Ye., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kimkim271060@yahoo.com

Keywords: Russian language, semantics of action, intention, hesitation, *kolebaniye*.

The article is concerned with hesitation as a significant part of intention, where intention is an active aspiration for performing an action, the transition point from mental activity to the physical one. Intentional activity is a complex volitional, intellectual and emotional activity which takes precedence of either some changes in the world, or its remaining unchanged.

Hesitation is an integrated psychomental state which deprives an action of predetermination and automaticity. It denotes the subject's incapability of choosing between the intention and the refusal to the action. Furthermore, hesitation is an unstable process with the lack of a typical result.

Hesitation plays an important role in social communication. This human ability makes it possible for other people to influence a person in order to change his/her intentions.

Constructional peculiarities of the semantics of the lexical units that express hesitation are closely connected with cross-reference of two subjects: one of mental activity and one of action (mono-subjectivity), future temporal perspective and potentiality of the action in the event.

The ethnical aspect of the language pattern of hesitation (*kolebaniye*, literally "swinging from side to side") as an intentional process is presented as an image of a pendulum or a scale, where human will swings from one to another intentional poles. Moreover, the compatibility of the word *kolebaniye* (hesitation) shows absence of control of this process from the subject's side.

An essential cultural plot is connected with hesitation. In the Russian everyday ethics decisiveness is highly estimated, while hesitation tendency is considered to be a great weakness. This property of the mentality is represented in the language (words denoting hesitation are commonly used with a

negative particle.) Hesitation is quite unusual for the Russian society, that is why the ground for hesitation is often required.

Periods of social confrontation are crucial for setting up the negative attitude towards hesitation: when the society splits up, a person has to make a decision in favour of one of the sides. For example, in the Stalin era, hesitation was taken as a vice to such an extent, that it was the basis of criticism, self-criticism, suspicion and comrades' court.

Therefore, hesitation connected with the absence of automaticity is perceived as an abnormality and demonstration of indecisiveness in the Russian culture. It is criticized and requires reasoning. Except for the ideological causes, an undeniable influence on such an attitude was the everyday way of thinking which deals with some typical situations, where actions need neither thinking, nor pondering, nor even making a decision.

REFERENCES

1. Evgenyeva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [A Dictionary of the Russian Language. In 4 vols.]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981-1984.

2. Cheremisina M.I. *Monosub"ektnaya konstruktivnaya ponyatiye i tipologiya* [A mono-subject construction: concept and typology]. In: *Polipredikativnye konstruktivnyye i ikh morfologicheskaya baza* [Polypredicative constructions and their morphological base]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980, pp. 6-33.

3. Leont'ev A.P. *Monosub"ektnyye polipredikatnyye konstruktivnyye sovmennogo russkogo yazyka: Sopostavitel'noye opisanie struktur s nulevym podlezhashchim i s dubl'-podlezhashchim*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Mono-subject polypredicate constructions of modern Russian: a comparative description of structures with a zero subject and a double subject. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 1982.

4. Kim I.E. [Utterance with a modus-dictum coreference]. *Sistemnyy analiz znachimykh edinitz yazyka: Smyslovyye tipy predlozheniy* [System analysis of meaningful units of language: semantic types of sentences]. Krasnoyarsk, 1994, pt. 2, pp. 32-41. (In Russian).

5. Bulygina T.V. *K postroyeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke* [Constructing the typology of predicates in Russian]. In: Bulygina T.V. et al. *Semanticheskiye tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 7-85.

6. Kustova G.I. *Nekotoryye problemy analiza deystviy v terminakh kontrolya* [Some problems of action analysis in terms of control]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Logicheskyy analiz yazyka: Modeli deystviya* [Logical analysis of language. Action models]. Moscow: Nauka Publ., 1992, pp. 145-150.

7. Shatunovskiy I.B. *Semantika predlozheniya i nereferentnyye slova (znachenie, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika)* [Semantics of a sentence and non-referential words (meaning, communicative perspective, pragmatics)]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996. 400 p.

8. Kim I.E. *Kontrolliruemost' deystviya: sushchnost' i struktura* [Controllability of an action: nature and structure]. *Lingvisticheskyy ezhegodnik Sibiri*, 1999, no. 1, pp. 19-31.

9. Kim I. E. [Control and involvement in the field of the human and their reflection in language]. *Problemy istoricheskogo yazykoznaneya i mental'nosti* [Problems of historical linguistics and mentality], 1999, issue 3, pp. 68-82. (In Russian).

10. Kim I.E. *Lichnaya sfera cheloveka: struktura i yazykovoe voploshchenie* [The personal sphere of the human: the structure and linguistic expression]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2009. 325 p.

11. Kim I.E. *Soprichastnost' i kontrol' v lichnoy i sotsial'noy semanticheskikh sferakh sovremennogo russkogo yazyka*. Diss. d-ra filol. nauk [Involvement and control in personal and social semantic spheres of modern Russian. Philology Dr. Diss.]. Krasnoyarsk, 2011. 433 p.

12. Arutyunova N.D. *Anomalii i yazyk (k probleme yazykovoy "kartiny mira")* [Anomalies and language (on the problem of linguistic "worldview")]. *Voprosy yazykoznaneya*, 1987, no.3, pp. 3-11.

13. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999, pp. 74-91.

14. Ushakov D.N. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 vols.]. Moscow, 1935-1940.